

*Навек утратившие нежность,
Былую нежность... Невесомо
Висит в ночи свечное пламя...
Они спокойны, точно совесть,
Соединённая с делами.*

Совесть, соединённая с делами — опять эта дивная, чудесная подсазка, это откровение, передаваемое от очей внешних к очам внутренним, и, опять же, чудо неслучайное, ведь приходит оно к вам, когда вы для него созрели, созрели ответно жалеть и ласкать руки, когда-то жалевшие и ласкавшие вас.

Читаешь одно мелодично-рифмованное откровение за другим, и Тертыйчнй-поэт обнимает, обволакивает, заполняет и растворяет своим лиризмом — одним из главнейших свойств русской литературы, русской живописи и музыки, этим удивительным способом прямого сообщения душ. Именно лиризмом русский художник узнаваем во все времена — и в плаче Ярославны, и в чудном мгновении, и в том, что «хорошо бы собаку купить». И вот точно такое же, чуть надрывно вечернее:

*И я, душою тяжело маясь,
Стою, молчу.*

*А ты глядишь, не отрываясь,
В глаза лучу.*

Да, да, да! Все они здесь, с Тер-

тычным — и Апухтин, и Фет, и Тютчев, и Блок.

Но русский лиризм — не немецкая сентиментальность, не британский сплин, лирика — не временное состояние, не случайное настроение, она — неизменяемое, корневое свойство русской души. И потому за вечерне-закатным отворяется незаходяще мудрое:

*Это странное чувство — печаль...
Говоришь, от печали излечишь?*

*Может быть, беспечальному
легче,*

Но тебя, беспечальную, жаль.

А ныне раскрывается Иван Тертыйчнй и как прозаик. Но вовсе не потому, что «года к суровой прозе клонят». Писал-то он рассказы издавна, публиковал понемногу в журналах и сборниках, но в одну-единую, такую полноёмкую, такую последовательно выстроенную книгу, по природной своей некрикливости, собирал, сводил и выстраивал неспешно и распорядительно. И название книге подобрал точно своё, точно тертыйчное — «Безымянная вода». По стержневому рассказу.

«По стержневому», конечно, в мнении автора. А вполне мог бы назвать и «Чистая правда», и «Фиолет», и «Зелёное мерцание» или «Талая водица», «Солнечная сторона», «Небесный гость», «Серое яблоко», «Дымка»... Звучная книга, всё в ней крепко взбито, всё самобытно, самостоятельно и, одновременно, взаимосвязано. Так что льются рассказ за рассказом, тянутся, и ты не читаешь их, а пьёшь, пьёшь, то жадно взхлёб,

то цедишь — один с еле уловимым привкусом берёзового сока, другой с яркостью брусничного морса, тот с сытостью парного молока, а этот со скуловяжущей яблочной кислинкой. Пьёшь, никак не напиваясь: родные места, родные люди, родное время. Перелески и речки, живописцы и дачницы, ветераны и горбуны, снег и дождик, больница и храм... И всюду — Россия, Россия... Читаешь, и узнаёшь: это и тебе тоже родное, во всём и во всех тебе близкое, тобой тоже лично пережитое, перечувствованное, передуманное, так что, завернувши последнюю страницу, быть отныне вам с автором самыми сердечными друзьями.

А ещё в книге много окон: «Жёлтый свет лампы, казалось ему, тихо дышал за морозными узорами окна»... «Белая занавеска на окошке наполнена ровным тихим светом»... «Я хотел включить в комнате свет, но передумал и снова подошёл к окну»... «Он сидел у окна, подперев голову рукой, и вглядывался в вечерний сумрак, будто мог увидеть за покатыми полями огонёк родной слободы, тёмный дубовый лес и свежий холмик невдалеке»... Окно — стойкий мотив у Тертыйчного, что тоже не случайность, так как это мотив созерцательного откровения, безмолвного приоткрытия друг другу двух миров, лицестояния двух пространств и материй, двух космосов. Ведь окно — евангельское око души, око-окно из души в мир, из мира в душу, сквозь которое льются свет и тьма, и если тьма в окне, то тём ли мир или же мрачна душа?

Живописцы, дачницы, ветераны, молодожёны, горбуны... За каждым героем — судьба, да какая! Боли, скорби, страдания и сострадания — каждому крест даётся по его силам. Но самый большой, самый тяжёлый крест — это богатырский крест писателя, всех и вся жалеющего и от поднятого не отрекающегося. Вот потому-то и нет нигде в книге даже тени уныния, отчаяния, озлобления на любые боли и скорби, есть только огорчение от ненужности этих самых уныния и озлобления, от ненужности всего мешающего дышать, любить, любоваться, праздновать, оплакивать и работать во весь русский размах. Ведь героям рассказов Ивана Тертыйчного просторно и вольно среди трёх океанов великих, один из которых — Небесный.

Эта авторская равносветлость в поэзии и прозе опять же чудесная подсазка созревшим: проза — всё та же поэзия, только слова в ней накладываются не на ясный и простой мотив, а вьются в контрапункте в гармонически единовременное движение множества самостоятельных мелодий, голосов, тем. И в строфах, и в абзацах — единые основы: лад, ритм, метр, темп, тембр, гармония, инструментовка, но если стих — песня или прелюдия, поэма — хорал, то проза — в сюите рассказа, в сонате повести, в симфонии или опере романа.

Ну, сами посудите, где же тут «суровая проза»:

*«Мягкая синевя неба, слоистые
зелёные вершины голых сосен,
слабое солнечное тепло — всё это могло
быть привычной, всегда чуть будоражащей
картиной начала весны,
но на самом-то деле только-только
начинался ноябрь, и только-только
первый морозец подсушил изрядно
отсыревшую после долгой морсы
землю и закрепил на ней первый
снежок.*

*Да, ноябрь... И до весны ещё
жить и жить».*

Василий ДВОРЦОВ.

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

Неделю назад в День Кирилла и Мефодия Союз писателей принял в свои ряды человека, который... не публиковал ни стихов, ни художественной прозы. О причинах, побудивших консервативный творческий союз впервые в истории сделать исключение, — репортаж Анны ФИЛИПЕНКО.

ПОСЛЕДНИЙ КЛАССИК?

Едва он пришел на праздник славянской письменности в ИНЖЭКОН (Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет), как подскочила заведующая кафедрой русского языка Татьяна Ивановна Евменова и строго сказала: «Студенты и так волнуются, и очень прошу Вас не затмевать их своей личностью!». Ответная мимика и жесты Сергея Назарова означали: «Да, кого я могу затмить?». Он даже стал «остужать обстановку», раздавая окружающим принесенную минералку. Упомянутую просьбу будущий герой вечера выполнил. По отношению к студентам. А за писателей никто не попросил.

После трогательной инсценировки студентов о жизни и деяниях родоначальников нашей письменности на сцену вышел скромный Андрей Владимирович Романов — председатель Союза писателей и, будто стеснясь, объявил, что хочет торжественно вручить членский билет Сергею Назарову, сделав исключение, но заслуженное. Впрочем, после довала трансляция на всю ступень записи прямого эфира «Першого» канала, где на главной сцене Украины упомянутые заслуги получили награду из рук соавтора легендарной «Санта-Барбары». Это сняло вопрос о том, можно ли принимать в писатели того, кто не публиковал книг, а заодно о связи названного «самым украинским автором» со славянской культурой. Вынести конкретные детали в отдельный абзац меня подвигли слова выступавшего позже Владимира Хохлева о том, что ни видео, ни даже публикации в мировой прессе не могут в полной мере объяснить, о каком действительно уникальном произведении идет речь. А уж обстоятельства, которые его окружают...

Начну с того, что широкая публика не может с ним ознакомиться по чисто «техническим причинам», ведь речь идет о сце-

нарии полнометражного художественного фильма. Опубликуешь — в кино не придут, так что пока большинству придется полагаться на тех, кто «в теме». Владимир Хохлев считает, что даже в виде текста удивительный сценарий Сергея Назарова вносит значительный вклад в развитие русского языка и сравнил с творчеством Льва Толстого. Не слишком ли? Однако раз наши ревнивые писатели встретили аплодисментами «варяга»-журналиста, сценариста, значит, не просто так. Фильм будет называться «Вперед, Черная!» и рассказывать о крахе... Древнего египетского царства. В основе истории лежит изучение исторического материала и многолетний опыт инженера-строителя. Не стану пересказывать аргументы автора о том, почему современники Хеопса в принципе не могли построить Великие Пирамиды (желающие могут посмотреть на сайте проекта forwardblack.com), но лично мне при чтении текста древнеегипетские имена героев быстро стали мешать — хотелось заменить на тех, кого вынуждена наблюдать в жизни. Авторские права Назаров зарегистрировал 25.01.2010. Действие фильма разворачивается в течение года и заканчивается точно по учебникам — революцией. Разве что с сотовыми телефонами. И первый год «продюсеры» только смеялись. Хотя, думаю, они даже не читали, пока ровно через год, день в день, на площадь Тахрир не вышел возмущенный народ свергать современного «фараона» — Хосни Мубарака. Пресса мгновенно окрестила автора «Нострадаму-сом». Писатели однозначно увидели во всем этом высший знак. В их выступлениях в этот вечер вообще отчетливо прослеживались христианские мотивы. Желаящим порассуждать о «случайном совпадении», коих, к сожалению, вскоре расплодилось как... Ну, сами понимаете. Напомню, что это первое подобное «совпадение» в

истории искусства (не забываем, что речь о целой стране). Но... далеко не последнее в сценарии этого фильма. Да и сам автор считает их лишь подтверждением идей, заложенных в каждом кадре режиссерского сценария, оставаясь немногословным и скромным мастером своего дела. «Вперед, Черная!» вряд ли оставит кого-то равнодушным. Конечно, там сложно сразу все понять и во всем разобраться, но не тронуть этот текст не может. Ну, у кого осталось что трогать. Поэтому справедливо, что проект сопровождается уникальными обстоятельствами, заставляя задуматься, привлекающая внимание. В этом сценарии необычно все: и тема, и подача материала, и даже язык. Являясь стилизацией под «обратный перевод» с древнего, он оказался своим и для русских, и для украинцев, и для... Впрочем, не стану выдавать детали переговоров с продюсерами, а завершу репортаж «блицинтервью» с самим Сергеем Назаровым.

Анна Филипченко: «Не боитесь выходить отсюда новоявленным классиком? Ваши «коллеги» по этому статусу всегда сталкивались с большими проблемами. А уж во времена Интернета... Что устроит теперь критики, завистники... не говоря уж о «простых блогерах?»

Сергей Назаров: «Начнем с того, что я сам не просился. Кстати, именно в Интернете писатели прочитали, например, иностранную прессу обо мне. Разумеется, довольно странно ощущая себя, отвечая на такой вопрос вообще, но, во-первых, я уже слишком старый, чтоб слишком возгордиться. А во-вторых, процитирую классика из сферы, откуда когда-то вышел. Ньютон сказал: «Я далеко смотрел, ибо стоял на плечах гигантов». Вот и свою работу считаю лишь продолжением традиций Гоголя и Салтыкова-Щедрина. Страшно то, что у нашего общества болит все тот же «орган». Как бы тут не стать последним классиком...»

А.Ф.: «Это Вы о деградации российской культуры?»

С.Н.: «Нет, это я о том, что при таком уровне коррупции неизбежен крах уже самой страны...»

На снимке: Кафедра русского языка ИНЖЭКОНа. Слева направо: Андрей Романов, Владимир Хохлев, Сергей Назаров. На заднем плане — запись церемонии «Першого» канала (Киев, дворец «Украина»).

Фото Андрея МАЙОРОВА. (Parallaxpictures).

